

ОТЗЫВ

официального оппонента Кима Александра Сергеевича
на диссертацию Тирабян Карине Камоевны на тему:
**«Диаспора в политическом процессе современной России
(на примере армянской диаспоры)»**, представленную на соискание
ученой степени кандидата политических наук по специальности
23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии
(политические науки)

В результате тектонического сдвига современной цивилизации от «модерна» к «постмодерну» произошло выдвигание ранее периферийных ценностей и традиционных форм механической солидарности (в том числе этнических) на весьма значимые позиции в процессах общественного развития. В условиях глобализации мощным катализатором процессов этнической идентификации и межкультурного взаимодействия выступает феномен этнического рассеивания, который в научной литературе довольно часто обозначается термином «диаспора». Процесс диаспоризации интенсифицируется и начинает приобретать транснациональный характер в условиях разрушения многонациональных и полиэтнических государств, приводящего к масштабному переделу государственных границ. В этой связи необходимо отметить, что мощный всплеск диаспоральности, новый виток ее развития возникли в процессе распада СССР и других коммунистических государств. В ситуацию диаспор попали этнические общности, оставшиеся проживать на территориях своего исторического происхождения, но в силу политических потрясений оказавшиеся в разных государствах. Особенностью постсоветского «этнического ренессанса» является и то, что диаспора становится формой этнической самоидентификации некоторых групп старожильческого населения России. Определенная часть армян, греков, корейцев, немцев, поляков и других российских граждан иностранного происхождения, объединяются в национально-культурные автономии и центры, различные общественные объединения по культурно-этническому признаку.

В рамках политической науки созрела настоятельная потребность в исследовании процессов трансформации диаспор из феномена этнического рассеяния в феномен политической институционализированной общности. В вышеизложенном контексте актуальность и научная значимость представленной диссертации не вызывает сомнения. Диссертант предпринимает удачную попытку обосновать положение о том, что диаспора есть институционализированное сообщество, сформировавшееся в результате миграции из одной страны в другую и сохраняющее ряд неотъемлемых характерных этноконфессиональных признаков (самобытность, традиции, язык, национальное чувство, конфессиональная принадлежность), деятельность которого направлена на взаимодействие с органами власти принимающего государства (с. 9-10, 53, 129).

Актуальность и научная значимость представленной диссертации заключается также и в другом обстоятельстве. В условиях глобальной миграции, резко возросла роль особых этнических общностей – диаспор. Возникнув как результат миграции в традиционных и индустриальных обществах, диаспора, как социальный феномен, переживает «второе рождение», проявляющееся в образовании в постиндустриальных странах так называемых «новых» диаспор. Диаспоральность стала фактором усиления социальной дифференциации и культурных границ, реализуясь нередко в появлении устойчивых и замкнутых этнокультурных сообществ, в которых воспроизводятся традиционные отношения. При этом сегодня в мире происходит все более усиливающееся несовпадение двух измерений гражданства: юридической принадлежности, и принадлежности социально-культурной (а именно включенности, интегрированности индивида в доминантную, базовую культуру страны гражданства). Формально принимая гражданство стран приема, представители диаспорных сообществ далеко не всегда разделяют их гражданских и культурных ценностей, поддерживая свою идентичность посредством постоянных связей со страной исхода. Устойчивый рост иммигрантских сообществ и их институционализация обусловили возрастание влияния диаспор на внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы. В силу вышеуказанных обстоятельств представленная кандидатская диссертация представляет большой научно-практический интерес. Предметом такого интереса является предпринимаемая соискателем попытка изучить специфику диаспоры как субъекта политического процесса. Заслуживает внимания старание автора исследования уйти от узкого понимания диаспоры как вида этнической общности, а представить и обосновать ее как институционализирующееся сообщество, функции которого выходят за рамки этнополитики. На это обращает внимание К. К. Тирабян в диссертации на стр. 40-44: «Сегодня диаспора перестала быть группой людей, которая живет за пределами своей этнической общности. Сегодня она становится мощным ресурсом в политических процессах. Потенциал разбросанных в разных частях света этнических групп дает возможность усиления начальных позиций этноса в международных политических и экономических отношениях».

Вышеприведенная мысль диссертанта вполне согласуется со следующим методологическим положением, которое, по всей видимости, имеет эвристический характер с точки зрения исследования взаимосвязи внутренней и внешней политики в аспекте современной политической глобализации. Современная мировая политическая и социальная система претерпевает множество тех глобальных изменений, которые раньше в рамках традиционно существующих национальных государств рассматривались вполне обособленно и привычно как «вызовы» их внешней и внутренней политикам, а рациональные политические решения зависели от исключительного характера и в высшей степени эффективного способа управления и контроля властных структур. Однако в современных условиях протекающие социальные процессы и явления нуждаются в

глобально/глокальном измерении, в ракурсе которого их обусловленность, определенность и субъектность в значительной мере следует объяснять, рассматривая многофакторные влияния, угрозы и рикошетные риски со стороны новых игроков и акторов, формирующих новые социальные институты и практики, влияющие на существующие институты власти.

В рамках вышеприведенной методологии автор диссертации в первой главе работы предпринимает попытку продолжить исследовательскую традицию, начатую отечественными и зарубежными исследователями многовекторной проблемы диаспоры. Он отмечает, что благодаря работам таких зарубежных ученых как Дж. Амстронг, М. Бруно, Р. Коэн, Г. Шеффер, Р. Брубейкер появляются различные типологии диаспор. Отечественными учеными выявлены признаки диаспоры (И.М. Шеда-Зорина, Т.В. Полоскова), типология (М.А. Асвацатурова), исследованы транснациональные сети и пространства (А.С. Ким, Т.В. Полоскова) (с. 50-51). Расширение исследовательских границ приводит к появлению понятий «транснациональное сообщество», «транснациональное государство», «транснациональное пространство». При этом диаспора все чаще обозначается как транснациональное сообщество, что еще больше, по мнению соискателя, усугубляет проблему разграничения понятий (с. 50-51). Диссертант, отмечает, что «Особенно активно процесс институционализации и отстаивания своих позиций различными диаспоральными группами прослеживается в развитых странах. Благодаря этому этнос способен использовать общины для формирования транснациональных сетей с целью точечного воздействия на политические процессы принимающих государств. Наличие ресурсов влияния у диаспоральных сообществ делает их полноценными игроками на мировой арене политического мироустройства. Ресурсы базируются на солидарности представителей диаспоры. Диаспора соответствует критериям транснационального (негосударственного) политического актора». По мнению соискателя, зарубежные исследователи Й. Штейн, А. Барт и М. Дж. Эсман выявили условия, при которых диаспоры оказывают влияние на мировую политику. Как полагает автор, диаспоральные сообщества оказывают влияние на мировую политику преимущественно через конкретные государства (с. 51-52).

Автор диссертации строит свои размышления о процессах включения диаспоры в политические процессы на примере армян. Содержание второй и третьей главы (с. 54-127) в большей степени построено на «взгляде из прошлого», когда армянская диаспора, по мнению соискателя, становится субъектом исторического процесса с Древней Руси до РФ, что в дальнейшем, – видимо для большей убедительности, – перспективно подводит нас к осмыслению того, как армянская диаспора пробует «вписаться» в меняющийся контекст современной политической истории России и обретает «институциональный» статус политической субъектности («политической диаспоры»). Армянская диаспора, возникшая задолго до современной глобализации (автор говорит о 1375 г.) и тех глобальных миграционных потоков, с которыми связано сегодняшнее представление о возникновении

«диаспоральности», тем не менее, является в определенной степени продуктом и прошлого, и современности. При этом по ходу чтения текста создается впечатление, что «политической диаспорой» армянские мигранты так не стали, несмотря на наличие единого органа, соединяющего государственные структуры в разных государствах, - Министерства диаспоры Республики Армения, - поскольку вопросы исторической памяти и геноцида, лежащие в ядре деятельности данной организации и диаспоры в целом, переводят, собственно, поиск и разработку политических механизмов воздействия в исключительную плоскость «этнического лоббизма» (с. 126-127). Последнее вполне понятно, так как армянской диаспоре не требуется создание специальных организаций, которые бы, например, поддерживали бы независимость Армении. Поэтому, исходя из логики диссертанта, если рассматривать роль армянской диаспоры в политическом процессе в российском контексте, то напрашивается вывод о том, что она сводится к защите экономических, социальных, правовых и культурно-образовательных интересов армян, а также к укреплению дружественных межгосударственных отношений между Арменией и Россией. Как пишет К. К. Тирабян, «Демократические государства дают этническим сообществам возможность культурной самоорганизации» (с. 14). Это видно на примере созданной в 2000 г. в Москве общероссийской общественной организации «Союз Армян России», направленной на реализацию целей, обеспечивающих сохранение и укрепление общности армян, проживающих в России (с. 78).

Если говорить в целом, то научная новизна диссертационной работы не вызывает сомнений.

1. Автор вносит свой вклад в разработку этнополитического понятия диаспоры, продолжая начатую в ряде работ отечественных и зарубежных политологов логическую операцию по экспликации понятия диаспоры, тем самым вводя её в круг категорий политической науки (с. 14-32).

2. Соискатель углубляет исследовательскую традицию введения феномена диаспоры в предметное поле политической науки, раскрывая и обосновывая конкретные механизмы и факторы функционирования диаспоры как транснационального актора политических процессов (с. 32-53).

3. На конкретно-историческом материале, а именно на опыте армянской диаспоры в России проанализированы формирование и развитие армянской диаспоры как субъекта политического процесса в Российской Федерации (с. 54-93), ее место и роль в процессе принятия политических решений (с. 94-127).

Вышеуказанные элементы научной новизны определяют значимость результатов диссертационного исследования с точки зрения науки и практики этнополитического менеджмента. Разработанная автором концептуальная схема политологического анализа диаспоральности могут быть эффективно использованы в процессе исследования проблем миграционной политики и политической институционализации этничности. Выводы и результаты диссертации представляют практическую ценность в

аспекте их применения при формировании региональной системы мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в сфере этнополитики. Теоретические положения работы могут быть включены в содержание дисциплин, преподаваемых в высших учебных заведениях и на различных курсах повышения квалификации руководящих работников и специалистов регионального и муниципального звена государственной службы.

Однако, несмотря на указанные достоинства, диссертационная работа содержит ряд недостатков.

1. Текст диссертации содержит ошибки и опiski (с. 26, 43, 46, 47, 50, 104); невнимательно оформлены сноски (в особенности ссылки на электронные издания с учетом даты захода) (с. 45); говоря о научной новизне автор указывает на введение в научный оборот не использованных ранее армянских источников и материалов, однако в списке литературы их только два и это ссылки на нормативные акты, которые не анализируются в тексте специально (№№ 9 – 10, с.140).

2. В начале диссертации (с. 3) отсутствует предварительное описание диаспоры, что затрудняет введение научной общественности в курс диссертационной проблематики и затрудняет понимание логики изложения материала.

3. В исследовании не привлечены и не проанализированы источники по политическому исследованию диаспор исследователя из Хабаровска Кима А. С., в трудах которого содержится много материала по транснациональности и политической субъектности современных диаспор, что свидетельствует о недостаточной обоснованности степени исследовательности проблематики диссертации в политологической литературе (например, Транснациональность диаспор: междисциплинарный анализ // Пространственная экономика. – 2006. – № 1 (05). – С. 99-108; Этнополитическая конфликтология современных диаспор: методология, теория, регионалистика: монография. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2011. – 330 с.; Ким, А.С. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона). Монография / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов // М.: Этносоциум, 2016. 156 с.).

4. В диссертации весьма слабо раскрыто соотношение общего и особенного в функционировании и развитии диаспоры как субъекта политического процесса. Между тем рассмотрение конкретного примера армян должен был бы работать на обоснование не только исторических и других особенностей формирования политической субъектности армянской диаспоры, но и на замысел автора в части анализа основных теоретических и прикладных подходов к определению феномена диаспоры и уточнения определения понятия «диаспора» (с. 7 – 8).

Вместе с тем вышеуказанные недостатки принципиальным образом не влияют на общую положительную оценку проделанной соискателем работы. Автором достигнута поставленная цель и реализованы задачи диссертации. Полученные лично автором результаты и выводы отличаются научной

